

САТИРИЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

Цѣна отдѣльнаго
номера 5 коп.

Редакція и Контора, Пушкинская 19., Контора открыта ежедневно отъ 10 ч. у. до 6 ч. вечера.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАСПРОСТРАНТЕЛЬ“

приступаетъ къ выпуску еженедѣльныхъ сатирическихъ газетъ и журналовъ.

ГАЗЕТЫ:

- 1) „Извѣстія Совѣта Безработныхъ Юмористовъ“.
- 2) „Сатирическая газета“.

3-й выпускъ поступитъ въ продажу въ ближайшемъ будущемъ.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 6 коп.

ЖУРНАЛЫ:

- 1) „НОЧЬ“, 2) „ЕЖЪ“, 3) „РАПИРА“ и пр.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 6 коп.

Письма и требованія адресовать:

Ю. В. Гольдбергъ. С.-Петербургъ, Пушкинская 19, кв. 17.

Я не былъ лысымъ,

и всѣ мои родственники и родственницы до 5-го колѣна включительно тоже не были лысыми, но, по ошибкѣ употребивъ мазь Джона Воръ-Лея (Мѣсква, Неглинный) вмѣсто головной помады, я моментально облысѣлъ, какъ обнаженные колѣни упомянутыхъ пяти колѣнъ.

ТЕАТРЪ БОРЕЙ

Мартобря 29

въ честь Акима Простоватого любителями драм. искусства представлена будетъ трагедія:

„ПРОВЪСКАТОРЫ“.

Роль оберъ-шпіона исполнитъ Ам. Грингмутъ. Участвующие: Меньшиковъ, Буренинъ, Столыпинъ, Ксюнинъ и мн. др.

Въ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ будетъ издаваться подъ редакціей Барача. ежедневная полицейская газета

„Крючокъ“.

Новыя папиросы

Крѣпкія! **КРАМОЛА** Крѣпкія! Тѣмъ, кто выкуритъ крамолу Будутъ кланяться до полу!! Кто-жъ затянется крамолой И въ тюрьмѣ будетъ веселѣй!! Дядя Митяй.

Предеказательница будущаго.

1	сеансъ—	Когда наступитъ свобода	Печати.
2	„	„	совѣсти.
3	„	„	собраний.
4	„	„	союзовъ.
5	„	„	личности.

Обращаться въ редакцію журн. „ПНОІА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

О персидской конституціи.—Весѣда съ писателями.—Пѣсня о Карангозовѣ.—Корреспонденція изъ Кіева и пр.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ).

Ниль.

На происшедшемъ на берегу Нила митингѣ большинствомъ всѣхъ крокодиловъ противъ одного (онъ въ послѣдствіи оказался провокаторомъ) вынесена слѣдующая резолюція:

„Мы, нижеподписавшіеся крокодилы, собравшіеся въ числѣ 666-ти на лѣвомъ берегу Нила, постановили: потомственному почетнаго гражданина Фридриха Шиллера *) привлечь къ отвѣтственности по 1535—1040 ст. уст. уг. суд. за заглавное ложное свѣдѣніе въ печати, бросающія тѣнь на нашу корпоративную честь. Каковое преступленіе обнаружилось въ слѣдующихъ словахъ вышепоименованнаго гражданина:

„О люди, люди,—порожденіе крокодиловъ!“

Тегеранъ.

Насѣкомые дворцовой спальни, недовольные конституціей, рѣшили организовать союзъ истинно-персидскихъ насѣкомыхъ. Въ Тегеранѣ спѣшно выѣзжаютъ д-ръ Дубровинъ и прив. доц. Никольскій. Мѣстныя кадеты срочно телеграфировали провизору Пружану.

Тегеранъ.

Въ „Вѣдомостяхъ тегеранскаго градоначальства“ опубликованъ протестъ мѣстнаго Суворина противъ эмигрирующихъ въ громадномъ количествѣ за-границу, во избѣжаніе могущихъ возникнуть съ опубликованіемъ конституціи непредвидѣнныхъ безпорядковъ, пруссаковъ.

ХРОНИКА.

Проф. Фламарианъ, который по слухамъ еще не умеръ, въ отвѣтъ на срочную телеграмму изъ Петербурга о единовременномъ появленіи 3-хъ Понедѣльниковъ, увѣдомилъ депешей нашу редакцію, что имъ уже приступлено къ коренной реорганизации своей системы „Движеніе планетъ“ и составленію новаго календаря.

*) По изслѣдованіи редакціоннымъ врачомъ въ присутствіи понятыхъ г-на Буренина и г-жи Лухмановой, оказался йудеемъ.

На редакціонномъ торжествѣ сотрудниковъ „Петербургскаго Листка“, по случаю удавшейся фальсификаціи, выразившейся въ безнаказанной замѣнѣ обыкновеннаго заголовка—„Понедѣльникъ“, рѣшено было командировать одного изъ членовъ редакціи въ Москву на могилу Фамусова съ извѣщеніемъ, что его слова: „Всѣ врутъ календари“—сбылись.

Въ ближайшую субботу „Петербургская газета“ тоже приступитъ къ печатанію очереднаго номера подъ заголовкомъ „Понедѣльникъ“.

О персидской конституціи:

— Если вникнуть въ смыслъ совершающихся пертурбаціи на общественно-политическомъ горизонтѣ того огнедышащаго мастодонта, который называется современнымъ социально-экономическимъ укладомъ международной государственности... началъ я уже передовую статью для завтрашняго исмера, какъ услышалъ за своимъ правымъ ухомъ ожесточенное сопѣніе.

— Что вы дѣлаете?.. Остановитесь, ради Бога, остановитесь! — засопѣлъ редакторъ, но я не хотѣлъ его слушать и овальными каракулями продолжалъ унижать лежащую передо мною гранку.

— ... то придется умозаключить, что новый темпъ пульсаціи всемірнаго самосознанія уже выкристаллизовывается въ опредѣленные технико-химическія формулы, приобретаая видъ съ тѣмъ характерную общественную структуру того макроорганизма, который гигантскими щупальцами уже охватилъ мировую мысль...

— Да остановитесь же вы, ради всего святаго, — заоралъ, наконецъ, редакторъ и схватилъ меня за руку.

И окончательно разсердился.

— Вѣрно разбиваете вдохновение! Только успѣть настроиться на политическій тонъ, какъ въ, бюрократическій отпрыскъ одряблѣшаго режима, тормозите ферменты творчества? — вскричалъ я съ негодованіемъ.

— Успокойтесь, милочка, ей же Богу, вы — удивительно горячій субъектъ. Не спорю — талантъ, монстръ, такъ сказать, въ литературно-политическомъ акваріумѣ, но весьма и весьма невоздержанный языкъ. Не стой тутъ я, вы сейчасъ и за предстательственный образъ правления и за отвѣтственность... Чего добраго и до Терюкъ дождете... Нѣтъ, какъ же это возможно, думечка.. Вы совершенно не считаетесь со свободой печати... — Да оставьте меня въ покоѣ! Не бойтесь, изъ цензурныхъ рамокъ не выйду.

И я продолжалъ.

— Религіозно-этические нормы — этотъ условный кодексъ морали, — графическими конъюнктурами ограничивая всю широту народнаго творчества, уже успѣли отлиться въ мертвый, застывшій на костномъ предсталъ кристалль, и экзессы внутреннего порядка должны были искать себѣ пути внѣ шаблонныхъ формулъ современности...

— Довольно, — прохрипѣлъ редакторъ, обѣими руками схвативъ себя за голову: — вы погубили и себя, и меня, и... Россію!..

— Что?!! — протянулъ я въ недоумѣніи.

— 129 статья!!! — съ негодованіемъ воскликнулъ редакторъ: — вы оправдываете революціонное ниспроверженіе существующаго абсолюта...

— Какъ хотите! А я больше писать не дамъ! Здѣсь сковываютъ порывы творчества. Не дадутъ развиться вдохновенію!.. — продекларировалъ я, и вдругъ замеръ, видя, какъ редакторъ усаживается на мое мѣсто и обматываетъ мою же ручку въ ладоньями чернилами.

Редакторъ, который до сихъ поръ, кромѣ точекъ, запятыхъ и тире, не давалъ никакого матеріала для газеты, старательно выводилъ:

— Что касается до предметовъ

международнаго товарнаго обмѣна, то — будемъ надѣяться — новая форма правления въ Персіи не окажетъ особеннаго вреднаго воздѣйствія на фабрично-персидскаго порошка, какой, являясь безусловно радикальнымъ средствомъ противъ безсонницы (см. 4-ю стр. 3-й столбъ. Объявленіе провизора Пружана), находитъ обширное примѣненіе въ нашемъ отечествѣ, уставшемъ отъ безсмысленной революціонной пропаганды...

Вето.

Маленькій фельетонъ.

1.

Жалоба Харона.

Въ замкѣ Ада, въ залѣ тронной, Царь Плутонъ сидѣлъ, у ногъ Церберъ собственной персоной Охранять его прилежъ.

Вдругъ безъ всякаго доклада, Гражданинъ, старикъ Харонъ, Подомель къ владыкѣ Ада И промолвилъ: «Царь Плутонъ!

«Отъ работы нѣту мочи
Старъ и слѣтъ я, защити!
«Я вожу всѣ дни и ночи
«Отъ пяти и до пяти,

«Но за трудъ тебѣ угодный
«Мнѣ не платятъ ни гроша
«И всегда съ Руси свободной
«Не платящая душа.

«Такъ нельзя-ли повелѣнье
«Всѣмъ погромщикамъ послать,
«Чтобъ на мертвыхъ въ награжденіе
«Мнѣ хоть гривну оставятъ!»

Пикубъ.

II.

Отрывки

(изъ поэмы «Современный Овѣгитъ»).

О, бомбы! — Сколько въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Продуктъ прогресса и науки,
Ихъ нѣтъ столько развелось.
Что тѣтень селятся жандармы
Арестовать ихъ — Gott erbarme!
Найдутъ одну, — готово пять...
Ну, какъ-же ихъ арестовать?
И, помню, самъ былъ занятъ бомбой,
Хотя по химіи не зналъ
Ни звука. Въ погребѣ залѣзалъ
(Тотъ погребъ звалъ я катакомбой)
И... отъ отцовскихъ взглядовъ
Скрытъ, —
Изъ водки дѣлалъ динамитъ.

Я былъ, читатель, въ третьемъ классѣ,
Курилъ табакъ, запретный плодъ,
И первый выслушалъ отъ Васи
Для некурящихъ анекдотъ.
Сей Вася Жуковъ былъ, читатель,
Мой закадычный другъ-приятель,
Имѣлъ онъ старый пистолетъ,
И бомбы дѣлать зналъ секретъ.
Я Васѣ вѣрилъ очень долго,
Зане услышалъ отъ него,
Что не водой, а НО
Наполнена Ока и Волга;
Когда-жъ я вѣрять пересталъ,
Его Советъ давно изналъ.

Андрей Леонидовъ.

Какъ я сдѣлался писателемъ.

Когда меня выгнали изъ гимназіи, я рѣшилъ сдѣлаться писателемъ.

Когда я сообщилъ отцу о своемъ рѣшеніи, старикъ заплакалъ:

«Сынъ мой, не дѣлай этого:
въ Сибири такъ холодно; при
своемъ здоровьи ты можешь
схватить хроническій насморкъ!

Удивительные старики! Со-
рокъ лѣтъ пилъ онъ подъ этимъ
предлогомъ водку, ну и пилъ
бы себѣ дальше, а меня оста-
вилъ бы въ покоѣ! Всюду-то
у нихъ одинъ и тѣ же предлоги!..

Когда о моемъ рѣшеніи узна-
ла мать, съ ней сдѣлалась
истерика.

«Прочь съ глазъ моихъ, не-
благодарный сынъ! Въ нашемъ
роду не было ни одного ка-
торжника.»

Нельзя сказать, что меня обра-
довали эти тирады, но, — что жъ
дѣлать, — нѣтъ пророка въ
своемъ отечествѣ!

Собравшись съ духомъ, я
сталъ писать романъ, разумеет-
ся политическій; я всегда былъ
последователемъ моды.

Въ этомъ романѣ было 371
повѣщенный, 30 политическихъ
покушеній, 40 убійствъ изъ
Браунинга и 5 взрывовъ бомбы.

Снеся романъ въ редакцію
одного очень толстаго журнала,
я получилъ отвѣтъ: «зайдите
черезъ недѣлку.»

Когда я зашелъ второй разъ,
меня не пустили! — въ редакціи
шла панихида.

Несчастный редакторъ, про-
читавъ мой романъ, въ при-
падкѣ черной меланхоліи вы-
бросился изъ окна пятаго
этажа.

Еще одна смерть! Боже! Боже!
Но я не унывалъ, нѣтъ! —
русскій человекъ никогда не
сдается! знай нашихъ!

Я написалъ драму въ 5 ак-
тахъ и десяти картинахъ, за-
ключительная сцена которой
особенно удалась мнѣ:

Анселъма (жена редак-
тора по пятому браку съ пры-
щикомъ на поясницѣ, влетаетъ
впояхъ; чешетъ лѣвую ногу).

— Сдѣлался редакторомъ!

Всѣ: Со святыми упокой!

Занавѣсъ.

Мы разыграли ее при участіи
извѣстныхъ любителей, и она
имѣла большой успѣхъ.

Но ее нигдѣ не напечатали.

Тогда я началъ писать стихи.

Я рѣмывалъ баррикады сем-
надцатъ разъ въ продолженіи
шестнадцати строкъ; какихъ
тутъ только рѣмъ не было!

«симплегады?» «штатъ Нева-
ды», «конокрады», «отряды»,
«рады», «помады», «парады»,
«парады», и пр. и пр.

Мой советъ начинающимъ:
заботьтесь о чистотѣ рѣимы!
Пикубъ.

Посвященія.

1.

Отрывки.

(Биржевому поэту).

...Чертятъ бригады дождей
Трансваанцы на стеклѣхъ.
К. Львовъ.

Думы съ сердцемъ счеты сводятъ,
И грызетъ сомнѣній бѣсъ;
Сердце счастья не находитъ...
Какъ бухгалтеръ, мѣсяцъ бродитъ
Средь погашенныхъ небесъ.

Жду тебя, какъ кредитора,
О, купонъ души моей.
Какъ банковская контора
Вѣзъ надежныхъ векселей,
Сердце мрачное унесло,
И тоска въ груди царитъ.
Все померкло, все застыло...
Лѣсъ, какъ вексель, шелеститъ.

Миръ угрюмъ, молчитъ сердито,
Принахмурилась земля...
Точно миръ лишень кредита
И просрочилъ векселя!

Н. Пламеневъ.

Нивелямъ.

(Отъ нашего корреспондента).

На дняхъ на Крепачикѣ былъ
усмотрѣнъ человекъ съ грустнымъ
лицомъ, со спасательнымъ кру-
гомъ на чреслахъ своихъ и съ
двумя бычьими пузырями въ
правой рукѣ.

Человекъ отъшвыгнулъ земные
поклонны во всѣ стороны, выгова-
ривая:

— Прощайте, православные и вы
также, мои кредиторы. Иду
топиться въ Дѣвѣрь, противъ мель-
ницы Вродскаго.

Этотъ человекъ былъ извѣстный
киевскій антрепренеръ Бородай.
Прожіе провожали его печаль-
нымъ взглядомъ и говорили между
собой:

— Жаль человека, хотя бы онъ
и былъ изъ актеровъ. Пойдемъ,
посмотримъ, однако, какъ христіан-
ская душа будетъ развѣтываться съ
грѣшнымъ антрепренерскимъ тѣ-
ломъ.

И собрались всѣ киевляне на
набережную, противъ мельницы
Вродскаго, ставъ шпалерами по
обѣимъ сторонамъ мостовой.

Однако, Бородай немощно за-
мѣшкался.

Оказалось, что онъ по дорогѣ
забѣжалъ въ спасательную стан-
цію и взмолился матросамъ:

— Не спасайте меня, голубчики!
Топиться иду.

— Иди, небога, — сказали серьез-
но матросы, — только вѣдь ли уто-
пѣшь. Вѣра на нашихъ глазахъ
курица перешла черезъ Дѣвѣрь,
едва замочивъ перья. Гдѣ ужъ
тутъ такому толстяку, какъ ты
утопѣть? Воды въ Дѣвѣрь теперь
чай меньше, чѣмъ ума въ статьяхъ
Лихно, т. е. почти что ничего...
Впрочемъ, дерзай!

Бородай пошелъ къ Дѣвѣрю.

Не успѣвъ, однако, онъ прибли-
зиться на сто шаговъ къ Дѣвѣрю,
какъ впереди его показались два
бритыхъ человека.

Они бѣжали шибко, какъ
два молодыхъ каульбарса во время
отсутствія, крича:

— Православные! Уберите Дѣвѣрь,
а то утопятся наши денежки.

Дѣвѣра нельзя было убрать, а
посему рѣшили лишь убрать спа-
сательный поясъ и пузыри у Бо-
родаи.

Результатъ получился одинако-
вый — Бородай не попалъ въ Дѣвѣрь.

— Зачѣмъ вы спасли мнѣ жизнь?
— упрекалъ онъ актеровъ. — Впро-
чемъ, — добавилъ онъ, — я утоплюсь
дома. У меня есть большая ложка.

И налью въ нее воды и утоплюсь.

Повидимому, послѣднюю угрозу
Бородай привелъ въ исполненіе.

По крайней мѣрѣ, то бы изъ
актеровъ не пришелъ къ Бородаю
за деньгами, ему неизменно горь-
ничная заявляетъ:

— Барина нѣтъ дома. Они уто-
пились.

Когда же случайно Бородай встрѣ-
чается съ кредиторомъ, онъ дѣлаетъ
незачальное лицо и говоритъ:

— Я теперь утопленникъ, когда
Богъ дастъ вы тоже утопитесь, мы
встрѣтимся въ аду и я вамъ уплачу
долгъ. Чѣмъ скорѣе утопитесь,
тѣмъ скорѣе, значитъ, получите
долгъ...

Озъ.

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемая Редакція!
Прощу довести до всеобщаго
свѣдѣнія черезъ посредство ва-
шего почтеннаго органа, что у
алжирскаго бея подъ носомъ
не шипка, а чирій.
Примите и пр.

Потрицевъ.

Пѣсня о Карангозовѣ.

(Посвящается одесситамъ).

Надъ проснувшейся Одессой*
Вѣтеръ тучи собираетъ...
Межъ пустынной Молдаванкой
И Пересыпью затихшей
Гордо скачетъ Карангозовъ,
Черной молніи подобный.

То въ кулакъ огромный свистнущъ.
То подбросивъ вверхъ шапку,
Онъ кричитъ, и хулиганы
Слышать радость въ этомъ крикѣ.

Въ этомъ крикѣ — жажда крови!
Силу гнѣва, пламя страсти
И увѣренность въ погромъ!
Слышать ясно въ крикѣ этомъ
На постахъ городовъ...

Вотъ охватываетъ вѣтеръ
Груды свѣжихъ прокламаций,
Привѣвающихъ къ погрому,
Къ грабежу, — обѣяетъ крѣпкимъ
И съ размахъ ихъ бросаетъ
Въ дикой злобѣ на панели,
Разрывая въ пухъ и клочья
Мудрыхъ приставовъ творенья...

..И въ еврейскую больницу,
Сотней преданныхъ шпионовъ
Полукругомъ осѣненный,
Прѣзжаетъ Карангозовъ

И къ столпившимся евреямъ
У воротъ, отъ страха блѣднымъ,
Обращается любезно
Съ рѣчью пламенной такою:

— Вольнодумные евреи!
Я сюда прѣхалъ нынѣ,
Чтобъ утопить васъ немного.
Если только вы хотите,
Чтобъ ужасные погромы
Больше тутъ не повторялись;

Если ачтете вы только
Жить спокойно, безмятежно,
Не взираясь на горяща
И въ полвалы не спускаясь,
Чтобъ отъ рукъ укрыться черни,
То сейчасъ-же запишитесь
Въ члены «русскаго собранья»!

Докажите, что свободу
Презираете вы; также
Докажите мнѣ, что смуту
Вы раздумали ужъ дѣлать
И преслѣдовать рѣшили
Хитроумныхъ анархистовъ;

Дайте слово клубу «союзъ»
Посѣщать еженедѣльно,
Слушать лекціи съ вниманіемъ.
«О погромахъ всероссійскихъ»
И читать лишь «Русской Рѣчи»
Каждый день передовицы!..

Тутъ ораторъ вдохновенный,
Съ головы до ногъ измѣривъ
Негодующихъ евреевъ,
Такъ воскликнулъ: — Превосходно!
Вѣдь молчанье — знакъ согласія!

Ну, теперь-то я спокоенъ
И клянусь, что впередъ не будетъ
Ужъ еврейскаго погрома!
Миръ подписанъ! Вы отнынѣ —
Члены русскаго собранья!!!

..Надъ проснувшейся Одессой
Вѣтеръ тучи разгоняетъ.
Изъ больницы раннимъ утромъ —
И веселый, и счастливый,

Межъ пустынной Молдаванкой
И Пересыпью затихшей
Гордо скачетъ Карангозовъ,
Сотней преданныхъ шпионовъ
Полукругомъ осѣненный!

Метроманъ.

Самая страшная исторія.

...О, ихъ любовь была сильна,
Безъ пошлой лжи, безъ свѣтской
фальши.

Онъ былъ министромъ, а она
Была красивой генеральшей.
Ея красотой заворочень,
Онъ позабылъ про циркуляры
И все, что дѣлалъ, — дѣлалъ онъ
Для милой Клары, милой Клары.
Дабы не звать въ любви пренюхъ
И быть однимъ у генеральши,
Сумѣлъ ей супругу онъ
Командировку дать подальше.
Предъ генераломъ трепеталъ
Всякъ, кто былъ дерзокъ и криво-
лень.

И былъ доволенъ генераль...
И былъ министръ весьма доволенъ...
Сегодня, кончивши пріемъ,
И сдѣлавъ всѣ распоряженія,
Онъ ѣдетъ къ ней... Она письмомъ
Ему прислала приглашеніе...
Въ каретѣ парой, по торцамъ,
Слегка качаясь на рессорахъ,
Онъ ѣдетъ, преданный мечтамъ,
О чудныхъ ручкахъ, пылкихъ во-
рахахъ...

Онъ предвкушаетъ ароматъ
Ея духовъ, кура сигару,
Онъ точно мальчикъ, счастливъ,
радъ...

И кучеръ гонитъ, гонитъ пару.

Но кто тамъ, страшный, на углу
Стоитъ, прижавшись къ стѣнѣ стѣн-
къ?

Министръ припалъ лицомъ къ
стеклу...
Дрожать, дрожать его колѣнны!
Ахъ, нѣтъ сомнѣнія! Смерть близ-
ка...

Прощай навѣки Клара, Клара...
Занесена уже рука
Для безопаднаго удара.
Министръ отпрянулъ въ уголокъ...
Онъ видитъ смерть... Онъ видитъ
муку...

А тотъ въ карманъ засунулъ руку
И вынулъ... носовой платокъ.

Андрей Леонидовъ.

Бесѣда съ писателями.

Съ кѣмъ только не «бесѣдуютъ»
въ наше время?
Интервьюируютъ генераловъ, каде-
товъ, даже архіереевъ.

При семъ обстоятельствѣ, т. е. интервью-
руемые и интервьюируемые оказы-
ваются такими умишками, что только
удивляешься, какъ это первые до
сихъ поръ не сдѣлались министрами,
а вторые — шпионами.

Такъ какъ въ настоящее время
нѣтъ въ Россіи (я за это ручаюсь)
ни одного генерала, адмирала, архіе-
рея и общественнаго дѣятеля, кото-
ры уже не «высказались» въ газетѣ,

то мы рѣшили интервьюировать
тѣхъ, кто сами интервьюируютъ, т. е.
газетчиковъ.

Понятно, первымъ долгомъ мы от-
правимся къ Онану русской журна-
листики, къ А. С. Суворину.

Съ насъ снялъ пальто г. Борей,
причемъ, ослабѣвъ, замѣтилъ:
— Овашихъ снѣгостельствахъ доложить
сейчасъ.

При этомъ онъ крикнулъ:

— Меньшиковъ! доложите Алексѣю
Сергѣичу.

Г. Меньшиковъ привѣзливо улы-
нулся намъ во все свое бритое лицо
и съ изысканной вѣжливостью доло-
жилъ:

— Алексѣй Сергѣевичъ съ завтра-
каютъ. Пожалуйста въ гостиную-сь.
Дѣйствительно, мимо насъ пронесли
на серебряномъ блюдѣ жареннаго
еврея.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ
къ намъ А. С. съ очень недовольнымъ
лицомъ.

— Положительно эти жида стано-
вятся невозможными, — заговорилъ онъ
нервно, поведовавшись съ нами, —
съ каждымъ днемъ они становятся
все тощѣе и тощѣе. Однѣ кости да
кожа. Впрочемъ, господа, чѣмъ могу
служить?

Мы поклонились и объяснили цѣль
нашего посѣщенія.

— Хорошо, хорошо! сказалъ снисхо-
дительно г. Суворинъ: — предлагайте
вопросы.

Мы приступили къ исполненію сво-
ихъ интервьюерскихъ обязанностей.

— Какъ вы смотрите, Алексѣй Сер-
гѣевичъ на роспускъ Думы?

— На роспускъ Думы? Гм! Мень-
шиковъ! какъ я смотрю на роспускъ
Думы?

Г. Меньшиковъ моментально вы-
росъ между нами и Сувориннымъ и
почтиловъ заговорилъ:

— Съ одной стороны Алексѣй Сер-
гѣичъ находится, что роспускъ Думы
актъ величайшей мудрости, ибо Му-
ромцевъ жидъ, происходящій изъ жи-
довской семьи Муромцовичъ. Съ дру-
гой-стороны они признаютъ-сь, что
роспускъ Думы — величайшая ошибка
правительства.

— Отлично!

А какого вы мнѣнія о равноправіи
женщинъ?

— О женщинахъ, да-съ! я за рав-
ноправіе. Я пишу статью — женщины
рожаютъ. Я издаю газету — женщины
печатать марьяжнѣ объявленія. Я
положительно за равноправіе.

Наша печать.

Среди всеобщаго унынія, въ которое стремятся погрузить насъ дерскіе органы революціонной печати, лишь изрѣдка раздаются свѣжіе голоса истинныхъ знатоковъ русскаго духа, приносящіе хоть нѣкоторое успокоеніе.

Радостную вѣсть приносятъ „Моск. Вѣдомости“. Оказывается, никакого голода нѣтъ. Слухи объ этомъ, распушенные „земскими кликушами“, чистѣйшая ложь, впрочемъ, сдѣланная bona fide. Земцы и правительственные чиновники, посланные на мѣста для выясненія нужды, были попросту одурочены.

Крестьяне, привыкши искони скрывать свое имущество отъ чиновниковъ, такъ какъ всякая опись напоминала круговую поруку и выисканіе повинностей и недоимокъ, съ устроенными стараніями ухитрились морочить любопытныхъ. Да оно и понятно: никто не любитъ, когда постороннее лицо роется у насъ въ карманѣ и желаетъ знать наши личные мелкіе денежные счета.

Крестьяне прятали хлѣбъ, скотъ и старались представить себя поголовно нищими. Людямъ, ранѣе крестьянскимъ бюджетомъ не интересовавшимся, не было никакой возможности получить свѣдѣнія о действительномъ имущественномъ положеніи крестьянъ, употреблявшихъ все мѣры, чтобы казаться вполнѣ немущими.

И такъ голода нѣтъ, а хлѣбъ спрятали крестьяне. Право, не мѣшало бы повнимательнѣе встряхнуть „его“; не на одно еще казенное вспомоществованіе бѣдному Грингмуту выбьешь изъ него. „Енѣ“ все могить, „ѣнѣ“ выдержать.

Не менѣе тонко опредѣляетъ первопричину современныхъ бѣдствій и „Новое Время“. Главной причиной переживаемыхъ нами волненій, по глубоко-научнымъ наблюденіямъ газеты, является не болѣе, ни менѣе, какъ жаркое лѣто и особенно вѣтры.

Сухость и электрическое напряженіе воздуха, — говоритъ газета, — играютъ важную роль въ рѣзкихъ общественно-политическихъ движеніяхъ, возбуждая первую систему; это — главные факторы. Вѣтры же имѣютъ значеніе постольку, поскольку они связаны съ влажностью; независимо отъ направленія, приносятъ ли какой-нибудь вѣтеръ сухость или влагу, — онъ дѣйствуетъ возбуждающе или умиротворяюще на нервы.

Не вѣтеръ ли изъ „сферъ“ производитъ „рѣзкіе общественно-политическіе“ прыжки въ міровоззрѣніи нововременскихъ публицистовъ? Особенно, если вѣтеръ пригоняетъ тучи казенныхъ объявленій на патристическіе столбцы матримоніальной газеты.

„* * * Стараясь вникнуть въ совершающіяся событія и понять ихъ смыслъ“, сотрудникъ „Переломъ“, г. Абракадабра, „ищетъ общенія съ возможно большимъ количествомъ людей, вдумчивыхъ и работающихъ надъ разрѣшеніемъ проблемы счастья Россіи“.

Слѣдую примѣру Диогена, — рассказываетъ г. Абракадабра, — я ищу людей, и мои друзья помогаютъ мнѣ въ этомъ. На дняхъ одинъ изъ нихъ спросилъ меня:

— А у Василія Ивановича были вы? —

— Онъ называлъ извѣстную фамилію.

— Нѣтъ.

— Показайте!

— Онъ узкій ученый; что же онъ можетъ мнѣ сказать такого интереснаго?

— Показайте и увидите!

Пріятели мой дали мнѣ письмо, и я отправился. Ученый принялъ меня чрезвычайно любезно и сказалъ:

— Я съ удовольствіемъ покажу вамъ.

— Что?

— Мою работу.

— Сдѣлайте одолженіе!

Онъ повелъ меня въ сосѣднюю комнату и сдернулъ полотно, закрывавшее стѣну. Моимъ глазамъ представилась гигантская карта Россіи, вся покрытая красными пятнами. Мѣстами она красѣла густо, мѣстами красота переходила въ розовый оттѣнокъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ краска была наложена сплошной массой и казалось, что чернѣла капля крови, засохшей и лившейся потокомъ.

— Что это?

— Красная карта.

— Революція?

— Нѣтъ, это карта пролитой для цѣли освободительнаго движенія крови въ Россіи. Я отмѣчаю событія изо дня въ день, и постепенно карта моя все больше и больше покрывается кровью. Убьютъ го-

родового или казнятъ убійцу — я ставлю красную точку; потомъ событія повторяются — другую. Нѣсколько точекъ соединяются въ пятнышко, нѣсколько пятнышекъ въ пятно и наконецъ краска уже не беретъ. Приходится брать болѣе темную. Карта была бѣлой еще недавно, но она краснѣетъ съ каждымъ днемъ. Бываютъ минуты, что у меня появляется желаніе взять большую кисть и замазать все красной краской.

— Залить кровью?

— Да!

— Но вѣдь это будетъ грѣшить противъ истины?

— Сегодня — да, но черезъ мѣсяцъ, черезъ два это все равно придется сдѣлать. Я предвижу это.

— Вы вѣрите, что настанетъ такое время?

— Да я вижу это по своей картѣ! Минутами мнѣ кажется, что кровь проступаетъ черезъ бумагу, что громадное государство постепенно тонетъ въ крови. Остаются только рѣдкіе островки съ людьми, въ дикомъ отчаяніи ломающими руки. Наконецъ захлестываетъ ихъ. И по всему пространству бушуетъ океанъ крови, тусклый, съ бѣлой пѣной и глухимъ грохотомъ валовъ, выкидывающихъ холодныя тѣла... Мнѣ дѣлается до того страшно, что я готовъ бѣжать изъ своей комнаты, но я чувствую, что бѣжать уже некуда.

— Какъ?

— Да, мнѣ чудится, что приборъ около моего дома уже начался. Гребни красныхъ волнъ заглядываютъ въ мои окна и лижутъ стѣны... Я счастливъ только тѣмъ, что одинокъ, потому что имѣть дѣтей въ наше время — это великое несчастье!

— Я не понимаю.

— Да вѣдь они должны стать злодѣями. Неужели вамъ это не ясно? Они слышатъ только о крови, они читаютъ только объ убійствахъ и насилии... Они играютъ на берегу этого моря крови, они купаются въ немъ, они привыкли ко всему, что возмущаетъ человеческую душу, и когда жизнь дастъ имъ еще нѣсколько уроковъ — они должны будутъ стать злодѣями! Отцы и матери въ ужасѣ откажутся отъ нихъ, а они будутъ только смѣяться надъ ними. Океанъ крови — это ужасъ, котораго не зналъ міръ.

Митинги и собранія.

Устроенное нѣсколько дней тому назадъ обществомъ активной борьбы съ революціей собраніе прошло весьма оживленно. Вступительная рѣчь, произнесенная однимъ изъ членовъ партіи съ большимъ пафосомъ, произвела на собравшуюся въ огромное количество публики неизгладимое впечатлѣніе и сводилась въ общихъ чертахъ, къ слѣдующему:

— Насущнѣйшей необходимостью для успѣшнаго процвѣтанія нашей партіи является привлеченіе какого-нибудь лица, пользующагося всемірной популярностью и могущаго стать лидеромъ еще недостаточно организованныхъ активниковъ. Мнѣ лично кажется, что ни Крушевскій ни Грингмутъ ни Шарановъ, ни даже Дубровинъ не могутъ принять на себя „бразды правленія“ съ такимъ правомъ, съ какимъ могъ бы сдѣлать это... М. О. Меншиковъ изъ „Новаго Времени“. Я нахожу, что ни у кого изъ перечисленныхъ мною общественниковъ дѣятелей не найдется столько опытности, такта и дипломатической умудренности, какъ у г. Меншикова. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ фельетоновъ этотъ уважаемый публицистъ, въ прекрасныхъ выраженіяхъ упрекнувши полицію въ бездѣятельности и въ очевидномъ неумѣніи ея, какъ слѣдуетъ, обращаться съ мятежниками, приходитъ къ заключенію, которое какъ нельзя лучше мотивируетъ стремленія тутъ собравшихся. Съ вашего позволенія, милостивыя государыни и милостивые государи, я прочту отрывокъ изъ упомянутаго фельетона для того, чтобы вы убѣдились, что г. Меншиковъ дѣйствительно понимаетъ воззрѣнія, неутомимо проповѣдуемые нами, а потому вполнѣ заслуживаетъ быть нашимъ вожакомъ.

„Въ Петербургѣ, подъ самымъ носомъ правительства, толпы поютъ марсельезу и, сопровождаемыя патрулями, идутъ цѣлыми верстами, отъ Таврическаго дворца и по Невскому. Между тѣмъ, если бы пѣлись призы-вы къ погрому не дворцовъ, а на-примѣръ домовъ терпимости, то полиція арестовала бы заповѣль. Постоянно читаешь, что послѣ долгихъ

пререканій, сопровождаемыхъ бранью, угрозами, бросаньемъ камнями въ офицеровъ и т. п., „толпа была разсѣяна“. Только-то? — спрашиваешь себя. Но разсѣянный паръ снова собирается въ тучу. Разогнать толпу не значитъ ли дать ей возможность на завтра собраться снова? Не обращается ли такого рода усмиреніе безпорядковъ въ репетицію ихъ, имѣющая власть не репетируетъ ли то, что призвана подавлять? Опытъ показываетъ, что день ото дня толпа становится назойливѣе, отважнѣе. Безнаказанность дѣлаетъ игру въ безпорядки интересной, чѣмъ-то въ родѣ дарового театральнаго представленія. Правда, „при разсѣяніи“ толпы дѣйствуютъ иногда нагайки, но простонародье русское за тычкомъ не гонится. Удары безвредны несятся какъ почетные, подстрѣкая на дальнѣйшіе подвиги. *Иное было бы дѣло, если бы каждая толпа, обнаружившая сопротивление, не разсѣивалась бы только, а дѣйствительно каралась*, — въ лицѣ, конечно, прежде всего вожаковъ. Послѣдніе ни въ одномъ случаѣ не должны быть отпущены съ миромъ, а арестованы. „Разгонять толпу“ — это все равно, что разгонять мышей вѣсто того, чтобы ловить ихъ. Они плодятся прекрасно при такой методѣ.

Что же дѣлать? Прежде всего нужно перемѣнить систему войны. *Изъ обороны пера переходить въ наступленіе*. Анархія растетъ и дѣлается грозной; одинъ изъ секретовъ ея успѣха, какъ японцевъ, — тотъ, что они нападаютъ. Имъ пранадлежитъ инициатива дѣйствій, они застаютъ врага врасплохъ. Если страна серьезно хочетъ свогонной гражданственности, то должна справиться съ тираніей черни. Справиться же можно лишь законотворной, быстрой и наступательной борьбой. Наступленіе же предполагаетъ преслѣдованіе до конца!

Громъ единодушныхъ аплодисментовъ заглушилъ послѣднія слова и ясно почувствовалось всѣми, что резолюцію, которая будетъ содержать въ себѣ просьбу активниковъ „володѣть ими“, обращенную къ г. Меншикову, составитъ взволнованный ораторъ. Такъ и случилось. Резолюція, густо испещренная именами Мишина, Пожарскаго и Ивана Сусанина, была принята единогласно, и торжествующіе активники съ пѣніемъ разошлись.

Студ.-мат. инст. ур. Б. Мастерская, д. № 5, стр. студ. Алек. М. Ко. 2 2 — 10532

За приличное вознагражденіе даю уроки по гимн. курсу. Студ. Унив. Загородн. 21, кв. 17. 1—1—00150

Сбѣжалъ породистый редакторъ (кличка „ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ“). Просятъ доставить въ „Кресты“.

Швейцаръ, лакей, бонна, экономка, няня, дворникъ, горничная и секретарь

Николая Шебуева,

фельетониста „Руси“, автора „Пулемета“ и проч. и проч. въ самомъ непродолжительномъ времени выпускаютъ

Художественный политико-сатирический журналъ

„Жекеалогическое Древо“,

посвященный всецѣло самому детальному изслѣдованію всего рода Шебуевыхъ до Адама и Евы включительно.

ТОЛЬКО годовые подписчики по уплатѣ 1 р. 25 к. получаютъ въ видѣ бесплатной преміи слѣдующія реликвіи: чепецъ троюродной бабки Н. Г. Шебуева, футляръ, въ которомъ хранились къ сожалѣнію неучѣтлившія очки камердинера покойнаго учителя прадѣда тетки Н. Г. Шебуева, пеленки, свивальники и колесо отъ колясочки самого Н. Г. Шебуева, борца за свободу.

Скорбный листокъ.

„Дѣло Народа“.
„Народный Вѣстникъ“.
„Голосъ“.
„Мысль“.
„Волна“.
„Зеркало“.
„Эхо“.
„Невская Газета“.
„Курьеръ“.
„Голосъ Труда“.
„Современная Жизнь“.
„Наша Жизнь“.
„Двадцатый Вѣкъ“.
„Равенство“.
„Реформа“.
„Призывъ“.
„Обрывъ“.
„Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“.
„Трудовая Россія“.
„Крестьянский Депутатъ“.
„Сѣверная Земля“.
„Русскій Набатъ“.
(Эпидемія продолжается).

Отвѣтственный редакторъ и издатель
баронъ фонъ-Мюнхгаузенъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Студ. Академіи художествъ инст. ур. по живописи и рисованію. Адр. В. О., Мал. Просп. д. 40, кв. 106-3—1—10352.

Ищете уроковъ

по предметамъ гимназ. студ.-унив. опытный репетиторъ. Церковная 4, кв. 8, входъ съ Провіантск. спрос. студ. Н. С. 1—1—10801

Переписку

на ремингтонѣ принимаетъ слушательница высш. женск. курсовъ Адр. В. О., М. пр., д. 40, кв. 116. 2—1—15613

Заказы на

Портреты

принимаетъ художникъ. Маслян. красками и тушью. Адр. В. О. Ср. просп., д. 11, кв. 33. 3—2—11316

Спѣшите!

Запасайтесь!!

Запасайтесь!!

Спѣшите!